

РОМАНТИЧЕСКАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ

Эмилиа Остен

НЕЗВАННЫЙ
ДРУГ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Emily Austen
THE FENCING MASK
Copyright © Emily Austen
All rights reserved

Ранее роман выходил под названием «Бархатная маска»
Литературная обработка *Н. Полянской*
Художественное оформление серии *А. Старикова*

Остен, Эмилия.

О-76 Незванный друг : [роман] / Эмилия Остен. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-098678-1

Графство Лестершир — одно из самых тихих и спокойных мест в средней Англии. Здесь туманные рассветы и восхитительные закаты, которыми так приятно любоваться из окна собственного дома. Здесь старые патриархальные устои и добропорядочное общество, ведущее размеренный образ жизни.

Лаис, молодая вдова, привыкла к его распорядку. После смерти мужа все ее заботы сводятся к воспитанию детей и управлению небольшим поместьем. Но вот на пороге ее дома появляется молчаливый незнакомец, закутанный в черный плащ, — претендент на должность учителя фехтования для ее сына. Он и вправду мастерски владеет шпагой и, к удивлению Лаис, слишком образован для простого учителя. Возможно, этот образ — лишь маска. Молодой женщине ужасно любопытно, кто же в действительности скрывается под ней.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-098678-1 © Н. Полянская, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Утро пятого августа 1709 года выдалось прохладным и туманным, как частенько бывает в Средней Англии. Выпала обильная роса; небо обложили тучи, словно намекая на то, что лето заканчивается и скоро придет осень с затяжными дождями, распутицей, долгими вечерами у камина под свист и завывание ветра. Яркие летние цветы в саду печально наклонили головы, не в силах противиться этому предчувствию осени; они и хотели бы потянуться к солнцу, все еще встававшему достаточно рано, однако светило куталось в серые облака, будто столичная леди — в меховую накидку из модной в этом сезоне русской серебряной лисы.

Лаис встала рано, еще до рассвета. Пока не закончились длинные летние дни, можно было успеть так много; особенно теперь, в августе, когда косили поздние травы и собирали урожай. Все поля вокруг Джиллейн-Холла стояли голые, и так непривычно было видеть их без яркого цветочного ковра. Кое-где в кронах деревьев уже проглядывала желтизна, а старые клены у подъездной аллеи — те начали ронять редкие золотистые ли-

стья, хотя было рановато; ну да старикам простительно. Малиновки все еще пели под окнами, однако их песенки тоже преисполнялись неземной печали. Или только казалось? Впрочем, когда падал туман, малиновки не пели вовсе.

Хотя слуги обычно вставали рано, Лаис все же не сочла нужным будить свою горничную Элен в предрассветных сумерках. Одеться в простое платье и причесать волосы она могла и сама, хотя камеристка часто пеняла ей за такое недостойное графини поведение. Лаис пожалала плечами и занялась утренним туалетом — быстро, привычно и бесшумно оделась, прибрала волосы, накинула плащ, а потом взяла свечу и вышла из спальни.

Дом досыпал последний час, еще немного — и он проснется, потянется, зевнет и займется своими обычными делами. Застучат двери и башмаки, служанки будут весело переругиваться на кухне, повар загремит котлами, дворецкий Джейкобс (нынче без дворецкого никак, сочтут моветоном) станет громко отчитывать нерадивого помощника за какую-то пустяковую провинность, и в комнатах зазвонят детские голоса...

Первым делом Лаис заглянула к детям — сначала к Тамине, потом к Джерри. Дочка спала спокойно, свернувшись калачиком и, по обыкновению, засунув палец в рот. Почти семь лет, а все та же привычка. Ну, от этого не умирают. Улыбаясь, Лаис символически поправила одеяло и вышла. Сын же явно видел беспокойный сон: весь разметался, одеяло почти съехало на пол... Лаис перевер-

нула Джерри на бок и укрыла снова, но он немедленно высунул пятки. Упрямый, как отец, этого не отнимешь.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, Лаис мысленно перебирала намеченные на сегодня дела. Приедут арендаторы, и нужно разобраться со всем, с чем обычно приходится разбираться: долгами, чрезвычайными обстоятельствами и неудачами на сельскохозяйственном поприще, падежом скота, претензиями к чужим наделам, жалобами на протекающую крышу... Нужно распорядиться, чтобы проветрились залы и выбили пыль из ковров и накидок: через несколько дней прием, нельзя ударить лицом в грязь. Милый каламбур. Хотя соберутся только самые хорошие друзья, не стоит пренебрегать чистотой, а Мэри и Сьюзен плохо вытирают пыль, просто разметают ее по темным углам, это давно известно. Нехорошо получится, если лорд Эшли облокотится о каминную полку и испачкает рукав бело-голубого камзола.

Лаис отложила все эти мысли на потом. Она не затем поднималась в такую рань, чтобы перебирать дела, о которых можно подумать часом позже.

Внизу было тихо, все еще спали. Лаис взяла в ящике старого шкафа ключ от черного хода, бесшумно прошла коротким коридорчиком, задув свечу и оставив ее на столике, и привычно в полутьме отперла дверь. Потом выскользнула наружу и закрыла ее за собой.

Туман приобрел удивительный жемчужный оттенок: рассвет был близко. Надо поторопиться, если она хочет вернуться до того, как встанут слуги. Иначе Джейкобс

будет опять смотреть на нее печальными слезящимися глазами и, качая головой, приговаривать:

— Опять вы ходили туда, миледи...

Ходила. И ничего не могла с собой поделывать. Особенно сегодня.

К счастью, на Лаис были мягкие туфли, так что гравий почти не скрипел у нее под ногами, когда она быстро шагала по дорожке, иногда останавливаясь и срывая то один цветок, то другой. Туман расступался перед нею и снова смыкался за спиной. Он был таким тяжелым и плотным, что Лаис видела не дальше чем на десяток футов — однако ей, знавшей все закоулки Джиллейн-Вэлли, нечего было опасаться. Этой дорогой она ходила множество раз. Да и идти-то недалеко.

Из тумана выступила кованая ограда. Лаис толкнула калитку, противно заскрипевшую (надо сказать, пусть смажут петли), и пошла уже медленнее, сжимая тяжелые от росы цветы. В ранней утренней дымке предметы казались больше, запахи — резче, а звуки разносились далеко. Лаис слышала, как перекликаются гуси на реке, до которой была добрая миля, и как лают собаки в соседней деревушке.

Белый мраморный склеп вдруг вырос из мглы, и Лаис на секунду приостановилась, чтобы справиться с дыханием, однако тут же вздернула подбородок и шагнула внутрь. Ее обняла другая прохлада — не свежего утра, а холодного камня. Тяжелые надгробия, угловатые буквы на ледяном мраморе... Ей не надо было далеко идти.

Она остановилась перед той плитой, что лежала ближе всех ко входу.

— Здравствуй, Роберт, — прошептала Лаис и положила цветы прямо на выбитое в камне имя.

Она никогда не тешила себя иллюзией, что мертвые могут прийти, когда ты их позовешь, и услышать тебя; Роберт сейчас на небе, вместе с их первым сыном, умершим во младенчестве. Но не говорить с ними она не могла, это было для нее так же, как дышать или просыпаться утром. Когда с Таминой и Джерри занимались учителя, Лаис, случалось, выкроив несколько минут в сплошной череде домашних дел, уходила сюда, в склеп, здоровалась с Робертом и потом долго молчала. Молчать вместе с камнями очень уютно. Не то что с людьми: станешь молчать — прослынешь букой, а то и заносчивой и неблагодарной. В наш куртуазный век, когда слова так много значат, к молчунам относятся по меньшей мере настороженно.

Лаис поежилась и поплотнее завернулась в плащ. Она никогда не задерживалась в склепе надолго. Роберт ушел, она может любить его и помнить, а здесь она отдает дань уважения тому, кого продолжает считать своим мужем. Пусть он три года как не с ней, Лаис была уверена, что с небес он видит, как растут его дети, и знает, что и они, и жена по-прежнему любят его. Глухая черная тоска уже осталась в прошлом, на ее место пришла светлая грусть и сожаление о несделанном, несбывшемся, однако вера в Божью справедливость отчасти помогала. Господь не

допустит, чтобы они с Робертом больше никогда не увиделись.

Лаис поправила цветы на плите и вышла из sklepa. Стало совсем светло, но тучи не разошлись, обещая длинный сумрачный день. И хорошо, подумала молодая женщина, снова возвращаясь к мыслям о делах, — может быть, это придаст Джерри и Тамине хоть немного усидчивости. Обычно дети ею не отличались, хотя учителей им Лаис старалась нанимать хороших.

Она вернулась к дому как раз вовремя, чтобы незамеченной проскользнуть наверх и притвориться, будто только что проснулась.

День покатился своим чередом.

Джиллейн-Вэлли было небольшим поместьем. Всего-то две тысячи акров, что в масштабах графства Лестершир за серьезное владение считать не стоит. Покойный муж Лаис, Роберт Ормонд, шестой граф Джиллейн, являлся, несомненно, талантливым управителем: при нем поместье процветало. Вдова его скромно надеялась, что при ней все идет по-прежнему. И правда, с каждым годом Джиллейн-Вэлли приносило все больший доход, что не могло не сказаться на благосостоянии всех его обитателей — и благодаря этому Лаис в округе очень любили. А еще она нравилась людям за легкий нрав и умение не унывать даже в самые тяжелые времена.

Лаис успела переделать множество дел до завтрака, а когда в девять встали дети, приказала накрывать на стол.

Джерри явился к трапезе со своим гувернером, мистером Аланом Уилсоном, а Тамина — с няней, мисс Барбарой Гривз. Лаис подозревала, что между этими служащими, занимавшими привилегированное положение в негласной таблице о рангах поместья Джиллейн-Вэлли, давно зародилось нежное чувство, однако ни один из них так до сих пор и не решился сделать первый шаг. Мисс Гривз, старая дева, бывшая учительница из пансиона благородных девиц при монастыре, не привыкла вот так открыто выражать свои чувства, хотя и не соответствовала привычному образу незамужней дамы в определенном возрасте. Она не стала с годами сухой и раздражительной, скорее печальной, и ее здоровый вид и румяные щеки только прибавляли ей привлекательности. Мистер Уилсон, бывавший столь суров к непоседливому Джерри, в обществе Барбары робел и замыкался. С первого взгляда казалось, что эти двое терпеть не могут друг друга, однако Лаис все было видно как на ладони. Тем не менее она предпочитала не торопить события. Кое-что в этом мире должно вершиться без участия посторонних.

— Доброе утро, мамочка! — поздоровались дети, благовоспитанно по очереди целуя Лаис в щеку. Молодая женщина с удовольствием расцеловала и обняла бы их, однако это не соответствовало педагогическим устремлениям гувернера и няни, поэтому она ограничилась привычной процедурой. Впрочем, Лаис проводила с детьми немало времени, чтобы как следует выразить материнскую любовь к ним.

— Доброе утро, дети. Вы хорошо спали?

— Мне приснился слон! — сообщил Джерри, устраиваясь на стуле и хватая вилку. — Огромный!

— Мамочка, он опять сочиняет! — воскликнула Тамина и с укором обратилась к брату: — Джерри, как тебе мог присниться слон, когда ты их ни разу не видел?

— Я видел на картинке! И лорд Эшли так хорошо о них рассказывал! — возразил мальчик.

— Мастер Джеральд, не размахивайте вилкой, вы можете попасть кому-нибудь в глаз, — сухо одернул разошедшего мальчишку Уилсон. Лаис с трудом сдержала улыбку.

— Иногда может присниться не только то, чего не видел, но и то, чего не бывает, вот так-то! А ты еще слишком маленькая, чтобы это понимать! — снисходительно улыбнулся Джерри с высоты своих двенадцати лет.

— Не разговаривайте за столом, — внесла свою лепту мисс Гривз.

— Ах, Барбара, да пусть говорят, — возразила Лаис. Старая дева поджала губы, но возражать хозяйке не осмеливалась.

— Миледи, могу я задать вопрос? — подчеркнуто вежливо осведомился мистер Уилсон.

— Разумеется, Алан, — кивнула Лаис.

— Что-нибудь новое в поисках учителя фехтования? Месье Венар плохо себя чувствует, и число уроков сократилось до двух в неделю. А вы ведь сами знаете, как важны каждодневные занятия, особенно в возрасте Джеральда. — Гувернер кинул быстрый взгляд на своего по-

допечного, уплетавшего завтрак за обе щеки. — Месье Венар начал обучать его приемам французской школы и немного показал испанскую, однако, по словам учителя, он уже слишком медленно движется, и мальчик может перенять у него медлительность.

— Боюсь, мне нечем вас утешить, милый Алан, — вздохнула Лаис. — Никто не хочет ехать в нашу глушь, хотя я предлагаю неплохое жалованье.

— Миледи, Джиллейн-Холл вовсе не глушь! — запротестовала мисс Гривз.

— Да. Но не для учителя фехтования. — Мистер Уилсон коротко посмотрел на няню и тут же отвел взгляд. — Практикуясь только с мальчиком, он может потерять навык. Месье Венар фехтовал с мистером Бэрри, который обучал старшего лорда Гарланда, однако вот уже полтора месяца, как мистер Бэрри уехал, и достойных противников в округе нет. Сегодня у Джерри очередной урок, но я сомневаюсь, что от него будет много проку.

— Может быть, мне попросить лорда Эшли? — предложила Лаис. — Он мог бы пару раз в неделю фехтовать с месье Венаром, ему ведь тоже надо тренироваться.

— Ах, миледи, разве это достойно? Тем более что месье Венар уже не хочет ни с кем фехтовать. — Гувернер скупно улыбнулся. — Единственное, чего он хочет, по его словам, — это сидеть в кресле у камина или греться на солнышке в саду.

— А почему сегодня нету солнышка? — спросила Тамина, тем самым завершив разговор.

Поиск нового учителя фехтования для Джерри был в последнее время основной головной болью Лаис. Месяе Венара нанимал еще Роберт; муж и сам учил сынишку держать шпагу, он был отличным фехтовальщиком. Француз же оказался и вовсе превосходен: когда они с Робертом, случалось, разминались по утрам, Лаис глаз не могла отвести от этого зрелища. Однако месяе Венар уже тогда жаловался на боль в спине — следствие давней травмы; а в последнее время ему стало трудно давать уроки. Он сам пришел к хозяйке поместья и, склонив голову, попросил расчета, чтобы отправиться куда глаза глядят. Лаис сказала ему, что никуда он не поедет (семьи у француза не было) и что останется здесь, сколько захочет сам, но серьезно задумалась о новом учителе. Она написала нескольким своим друзьям в Лондон, однако пока ответа не дождалась. Лето шло на убыль, месяе Венар болел, и Лаис уже подумывала, не съездить ли в столицу самой — толку от этого будет больше.

После завтрака она ушла в кабинет, посидеть над сче- тами. Раньше они с Робертом работали здесь вдвоем; те- перь его кресло пустовало, что каждый раз заставляло Лаис сглатывать комок в горле. Она села за стол, углу- билась в изучение бумаг и подсчеты — и с удивлением подняла голову, услышав, как пробило двенадцать. Лаис встала и, выпрямив затекшую спину, с наслаждением потянулась. Потом подошла к открытому окну, выхо- дившему во двор, — надо было отвлечься хотя бы на

несколько минут, иначе к концу дня от цифр начнет рябить в глазах.

Туман немного рассеялся и поднялся, однако, хотя видно теперь было дальше, солнце не собиралось появляться из-за облаков. От этого округа казалась хмурой и неприветливой. Лаис оперлась руками о подоконник и выглянула наружу: тишина, спокойствие, ветер шуршит в пышных кронах деревьев...

Она догадалась, что кто-то едет, еще раньше, чем услышала стук копыт. Иногда Лаис казалось, что Джиллейн-Вэлли — это ее вторая кожа. Она знала, что происходит и где, и вот уловила приближение всадника издалека. Лаис прислушалась: да, направляется к дому. Может быть, кто-то из соседей решил, что дома сидеть скучно и хорошо бы навестить друзей? Лаис была не против выпить чаю. Она вглядывалась в туман, пытаясь понять, кто едет.

Наконец на подъездной аллее показалась темная фигура. Лаис пригляделась и нахмурилась: этот человек ей не был знаком. Отлично сидящий в седле, в черном кожаном плаще с широкими рукавами и черной же треуголке, на статном сером коне — нет, так никто из ее знакомых не одевался и не ездил. Даже если бы кто-то купил себе новую лошадь, Лаис узнала бы всадника.

Незнакомец остановил коня у входа в дом, подождал, пока подбежит слуга, и что-то тихо спросил у него. Услышав ответ, кивнул и спешился; плащ метнулся за ним черной птицей. Лаис поспешно отошла от окна. Кто бы ни был этот человек, его сейчас приведут к ней.